

Рец. на кн.: ЯН ПЛАМПЕР. *ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ* /
Пер. с англ. К. Левинсона. М.: НЛО, 2018. 568 с.

Мария Михайловна Пироговская

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
mpirogovskaya@eu.spb.ru

Аннотация: Рецензия посвящена опыту историографии эмоциональных исследований, который соединяет под одной обложкой историю, антропологию и когнитивные науки. Автор «Истории эмоций», немецкий историк Ян Плампер, пытается одновременно проследить траекторию изучения эмоций в рамках указанных дисциплин, зафиксировать современное состояние фрагментированного знания об эмоциях и наметить возможности для плодотворных контактов гуманитарных и естественных наук. Основная часть книги состоит из четырех глав: «История истории эмоций», «Социальный конструктивизм: антропология», «Универсализм: науки о жизни» и «Перспективы истории эмоций». Такое членение воспроизводит для читателя аргументы давнего спора «природа или культура» (*nature or nurture*), в котором гуманитарные науки — история и антропология — выдвигают аргументы в пользу культурной обусловленности чувств, а науки о жизни придерживаются биологизаторской трактовки. В рецензии обсуждается концептуальная структура книги и рассматриваются издержки, которые сопутствуют взгляду на эмоциональные штудии сквозь оптику полярных подходов и изолированных друг от друга научных дисциплин. В заключение рассматриваются нюансы перевода на русский язык.

Ключевые слова: эмоции, чувствительность, социальный конструктивизм, универсализм, когнитивистика.

Для ссылок: Пироговская М. Рец. на кн.: Ян Плампер. *История эмоций* / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: НЛО, 2018. 568 с. // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 196–215.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-196-215

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/pirogovskaya.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2020, NO. 47

**A Review of JAN PLAMPER,
ISTORIYA EMOTSIY [THE HISTORY OF EMOTIONS],**

transl. from English by K. Levinson.

Moscow: NLO, 2018, 568 pp.

Maria Pirogovskaya

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
mpirogovskaya@eu.spb.ru

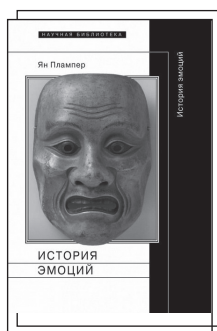
Abstract: The present review examines an attempt at a historiography of emotion studies that combines history, anthropology, and cognitive science under one cover. In *The History of Emotions*, the German historian Jan Plamper tries to pinpoint the current state of our fragmented knowledge of emotions and to lay out opportunities for fruitful contacts between social and life sciences. The four chapters of his monograph cover topics such as a historiography of the history of emotions, the constructionist approach to emotions in anthropology, the life sciences' universalist theories of emotions, and the prospects of emotion studies. To a certain degree, such an organisation of the material reproduces the outline and arguments of the *nature or nurture* debate which juxtaposed humanities and life sciences in their support of cultural or biological interpretations of emotions, respectively. The review meditates on the conceptual structure of the monograph and surveys some shortcomings stemming from the discussion of emotion studies within isolated frameworks of particular disciplines. In the conclusion, ideas and terms lost and found in their translation to Russian are discussed.

Keywords: emotions, sensibility, social constructionism, universalism, cognitive science.

To cite: Pirogovskaya M., 'A Review of Jan Plamper, *Istoriya emotsiy* [The History of Emotions], transl. from English by K. Levinson. Moscow: NLO, 2018, 568 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 47, pp. 196–215.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-196-215

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/pirogovskaya.pdf>

Рец. на кн.: Ян Плампер. *История эмоций* / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: НЛО, 2018. 568 с.

Рецензия посвящена опыту историографии эмоциональных исследований, который соединяет под одной обложкой историю, антропологию и когнитивные науки. Автор «Истории эмоций», немецкий историк Ян Плампер, пытается одновременно проследить траекторию изучения эмоций в рамках указанных дисциплин, зафиксировать современное состояние фрагментированного знания об эмоциях и наметить возможности для плодотворных контактов гуманитарных и естественных наук. Основная часть книги состоит из четырех глав: «История истории эмоций», «Социальный конструктивизм: антропология», «Универсализм: науки о жизни» и «Перспективы истории эмоций». Такое членение воспроизводит для читателя аргументы давнего спора «природа или культура» (*nature or nurture*), в котором гуманитарные науки — история и антропология — выдвигают аргументы в пользу культурной обусловленности чувств, а науки о жизни придерживаются биологизаторской трактовки. В рецензии обсуждается концептуальная структура книги и рассматриваются издержки, которые сопутствуют взгляду на эмоциональные штудии сквозь оптику полярных подходов и изолированных друг от друга научных дисциплин. В заключение рассматриваются нюансы перевода на русский язык.

Ключевые слова: эмоции, чувствительность, социальный конструктивизм, универсализм, когнитивистика.

Поворот к чувствам (*emotional turn*) и аффективный поворот (*affective turn*), которые уже больше тридцати лет переживают западноевропейские гуманитарные науки, все еще кажутся очень свежим и нестандартным способом смотреть на материал. Этим впечатлением оба направления обязаны, по всей видимости, буму когнитивных исследований, откуда история, антропология, фольклористика, социология и даже экономика не только черпают вдохновение, но и заимствуют некоторые методы работы. В России же по социальным и политическим причинам знакомство с программами изучения эмоций и аффектов запоздало. Поэтому сейчас, с запуском соответствующих учебных и исследовательских проектов и выходом в свет переводов классических и новых изданий, посвященных культурной, социальной, исторической и когнитивной стороне эмоций, мы в каком-то смысле можем охватить взглядом всю историю исследования эмоций, но не как *большую длительность* или последовательно залегающие археологиче-

Мария Михайловна Пироговская
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
mpirogovskaya@eu.spb.ru

ские слои, а как витрину антикварного магазина, где артефакты разных эпох стоят бок о бок.

Перевод обзорной монографии немецкого историка Яна Плампера на русский язык призван вернуть этим артефактам исходное время и место. Книга вышла в 2012 г. под названием «История и чувство», отсылающим к классическому роману Джейн Остин [Plamper 2012]. Теперь это международный бестселлер, переведенный на английский [Plamper 2015], итальянский и русский; готовятся переводы на китайский и японский. Для Плампера история эмоций — основная область: он много занимался эмоциональной стороной культа Сталина, изучал мужество и страх солдат Первой мировой войны, писал о современной миграции и национализме. Русскому читателю уже знакомы его книга «Алхимия власти» [Плампер 2010] и сборник «Российская империя чувств», который Плампер собрал вместе с Марком Эли и Шаммой Шахадат [Плампер и др. 2010]. В рецензируемой монографии он переходит от анализа конкретных исторических сюжетов к критическому и теоретическому обзору истории эмоций как дисциплины или, точнее, как специфического ассамбляжа дисциплин. По выражению самого автора, книга задумана как «навигационный прибор» для поиска метакатегории, которая обеспечила бы истории эмоций внутреннюю связность. Тем самым она вписывается в длинный — и продолжающийся — ряд работ по историографии и истории философии эмоций¹.

Уже во Введении Плампер задает вопросы, которые неизбежно возникают в любой дискуссии об эмоциях. Одним из них — «как соотносятся универсальное и культурно-специфичное?» — уже больше ста лет занимается культурная антропология; другим — «как браться за эмоции исследователю, который в диахронии имеет дело с несводимыми друг к другу “страстями”, “ощущениями”, “чувствами”, “сентиментами” и “аффектами” разных исторических периодов?», — задается история; третий — «если эмоции универсальны, то что это за универсалии?» — вотчина экспериментальной психологии и нейронаук. Однако и для синхронного, и для диахронного изучения эмоций важно понять, есть ли у того, что мы опознаем как чувства — в исторических документах, во включенном наблюдении или в лабораторном эксперименте, нечто общее, ведь в противном случае это означало бы сегментацию и распад самого предмета исследования (С. 63).

Для выполнения этой задачи Ян Плампер пытается совместить две перспективы — с птичьего полета обозреть западную исто-

¹ См., в частности: [Maury 1993; Dixon 2003; Turner, Stets 2005; Gross 2006; Frevert 2011; Frevert et al. 2014; Boddice 2018; Barclay 2020].

рию осмысления эмоций и крупным планом, с помощью контекстуализации научного знания, показать противоречия или лакуны в этом осмыслении в различные исторические периоды. Поэтому он выстраивает монографию как обзор тех областей теоретического и эмпирического знания, которые вносили свой вклад в осмысление эмоций, начиная с обсуждения эмоций в древнегреческой философии, через историю и антропологию перемещаясь в область нейронаук и, наконец, задаваясь вопросом о возможностях междисциплинарного синтеза и создания пространства переговоров между гуманитарной и естественными дисциплинами (в переводе использована несколько неловкая калька — «наука о жизни»).

Принципиальным ходом становится контекстуализация научных идей и связь интеллектуальных поворотов XX и XXI вв. с историческими событиями — Первой мировой войной, реакцией на фашизм, терактом 11 сентября 2001 г. или цифровизацией современного рынка труда. Тем самым Плампер следует социологическому и конструктивистскому подходу к знанию, которое предстает как социально и культурно обусловленный феномен. Так, говоря про Люсьена Февра, первым обратившего внимание на историчность чувств, Плампер отмечает как научные истоки этого внимания — французскую психологию от Гюстава Лебона до Шарля Блонделя, так и политический ландшафт интербеллума с его расцветом тоталитарных доктрин, который вызвал к жизни не только «чувствительность» Февра, но и интерес Йохана Хёйзинги к «необузданным страстям» Средневековья [Хёйзинга 1988 (1919)] и элиасовскую концепцию «аффективной экономики» отвращения [Элиас 2001 (1939)]¹.

Что дает такая контекстуализация? По замыслу автора, она работает против «спрямления углов» в истории науки, позволяя нарисовать более запутанную и сложную картину, чем хрестоматийный нарратив о развитии эмоциональных штудий от Дарвина к когнитивной психологии и от Февра к политике эмоций и аффективному повороту. Однако сам автор не всегда следует намеченной программе и при случае точно так же спрямляет углы, крайне избирательно приводя аргументы и забывая о концепциях, которые не вполне вписываются в его схему (см. примеры ниже). Поэтому эта объемная, увлекательная и снабженная обширным аппаратом книга оставляет двойственное чувство.

¹ Отметим, что из работ Хёйзинги Плампер рассматривает только «Осень Средневековья» (1919), написанную под впечатлением от Первой мировой войны, тогда как «В тени завтрашнего дня» (1935), возникшая как реакция на фашизм, не упоминается вовсе.

Отчасти уже сама масштабность предприятия — уместить в один том все, что западная цивилизация думала об эмоциях и о возможностях их осмысления и изучения, — входит в противоречие с заявленным контекстуальным подходом и провоцирует исследователя на довольно поверхностные, хоть и эффектные обобщения. Например, современную когнитивно-ориентированную историю эмоций Плампер связывает с шоковым эффектом 11 сентября 2001 г., дня, который «привел к тому, что выводы и эпистемологические теории наук о жизни пришли в те области, которые традиционно считались территорией гуманитарных наук» (С. 101), а ученых стали интересовать не «подвижные» знаки и символы, а «стабильные» тела и телесный опыт. Так трагедия катализировала разрыв с постструктурализмом. Без дополнительных аргументов и ссылок не совсем понятно, почему. В антропологии феноменологический подход к телу и телесному опыту возник как минимум за полтора десятилетия до теракта 11 сентября, соматическими аспектами переживаний занимались еще раньше (Плампер сам упоминает в этой связи работы 1970-х гг.), а в евроамериканской культуре эмоции стали легитимным предметом публичного обсуждения, как только популярная психология вошла в габитус представителей высших социальных слоев. Другое дело, что некоторые ученые видят влияние научно-популярной литературы по нейробиологии и когнитивистике в переходе вернакулярных концепций личности от психологической аргументации к соматической [Vrecko 2006; Rose 2007], что, в свою очередь, объясняется скорее изменениями медийного рынка.

Другим препятствием для более глубокой контекстуализации кажется избранная Плампером дисциплинарная структура книги. Бегло обрисовав во Введении контуры философии эмоций, Плампер отводит первую главу под исторические школы, так или иначе имевшие дело с чувствами. Вторая глава отдана социальному конструктивизму, за который отвечает антропология (вкуче с лингвистикой и социологией, которым посвящены два небольших экскурса). Третья глава рассказывает об универалистском подходе к эмоциям, характерном для естественных наук, и заканчивается обзором перспективных (по состоянию на 2012 г.) концепций нейропластичности и эмпатии. Наконец, в четвертой главе Плампер сосредоточивается на современных синтетических теориях, таких как базирующиеся на теории речевых актов «эмотивы» Уильяма Редди, «эмоции как практики» Моник Шеер и «нейроистория» Дэниэла Смайла.

Эта структура будто разворачивает перед читателем аргументы давней полемики «природа или культура», в которой за культуру отвечают история и антропология, за природу — когнитивная психология и нейронауки, а автор намечает пути преодоления

этой дихотомии и указывает наиболее интересные области будущих эмоциональных исследований (среди них — изучение общественных движений, история права и криминология, устная история). Таким образом, несмотря на отдельные убедительные демонстрации интеллектуального генезиса той или иной концепции, люди и идеи, находившиеся в диалоге друг с другом, оказываются разведены по разным главам. Тем самым создается обманчивое впечатление внутридисциплинарной когерентности и замкнутости и невольно поддерживается та самая дихотомия природы и культуры, естественных наук и гуманитарных, которую Плампер вроде бы пытался преодолеть. Но культурные антропологи школы Боаса были не только релятивистами, но и вдумчивыми читателями Зигмунда Фрейда и Стэнли Холла. Сам Фрейд изучал антропологические работы о табу. В свою очередь, структуры сознания и бессознательное долго находились в центре внимания психологической антропологии — от Рут Бенедикт до «Эдипа на Тробрианах» Мелфорда Спиро (1982); психоистория Питера Гэя и Ллойда де Моза многим обязана не только психоанализу, но и школе «Культура и личность», сфокусированной на связях между особенностями детской социализации, культурным этосом и становлением национального характера¹; психиатр Роберт Столлер и этнометодолог Гарольд Гарфинкель работали бок о бок в одной университетской клинике и наблюдали поведение и эмоции одной и той же пациентки и т.д.

Наконец, в такую структуру не вписываются более тонкие трактовки эмоций, особенно если они располагаются ниже ординара «современных исследований» или не укладываются в дисциплинарные границы истории, антропологии и когнитивистики. Так, Плампер упоминает «коллективное бурление» и церемониальный смысл оплакивания, отмеченные Эмилем Дюркгеймом в «Элементарных формах религиозной жизни» (1912), но упускает из виду работы дюркгеймианцев — Робера Герца о предписанном горевании и Марселя Мосса об обязательном выражении чувств, техниках тела и коллективно внушенной мысли о смерти [Hertz 1907; Мосс 1996а (1921); 1996б (1935); 1996в (1926)], а также связь французской социологической школы с психологией, в частности с работами психиатра Жоржа Дюма². Некоторые другие примеры, приводимые Плам-

¹ В частности, Плампер отмечает идею Ллойда де Моза о связи пеленания и детских страхов (С. 87, примеч. 1), но упускает более раннюю версию той же гипотезы, высказывавшуюся антропологами школы «Культура и личность» в попытке найти связь между телесными привычками и эмоциями [Gorer 1949].

² Так, далеко неслучайно, что статья Мосса «Обязательное выражение чувств (австралийские погребальные словесные ритуалы)» была опубликована в «Журнале нормальной и патологической психологии»; там же вышли главы о социальном языке слез и смеха из учебника психологии Дюма, важные для статьи Мосса [Dumas 1920; 1921; Mauss 1921].

пером как аргументы антропологов в пользу социальной сконструированности эмоций, также относятся к этому этикетному / церемониальному типу (вроде приветственного плача у тупинамба или балийского смеха на похоронах, с. 125–126) и провоцируют скорее задуматься о ритуализованных аспектах как эмоциональной риторики, так и эмоциональных практик. Социологические исследования в рецензируемой монографии представлены лишь тематическими работами Арли Хохшильд и Евы Иллуз; классикам социологии отведено несколько абзацев, подобно тому как во Введении в несколько страниц упомянута вся европейская философия. Обсуждая романтическую и материнскую любовь, Плампер игнорирует не только Арьеса и Лумана [Luhmann 1986; Арьес 1999 (1960)], но и семиотический анализ, развернутый Роланом Бартом во «Фрагментах любовного дискурса» [Барт 1999 (1977)], который поднимает проблему аутентичности знака и соотношения готового смысла и индивидуального переживания, т.е. имеет прямое отношение к проблеме *проживания* эмоции и *обживания* готовых форм ее выражения.

Впрочем, в избранной автором оптике не видно и многих других областей — визуальных исследований, истории медицины, медицинской гуманиоры. Далее, говоря об утраченных или переосмысленных эмоциях, таких как христианское греховное уныние, Плампер игнорирует культурные исследования меланхолии и тот «диагностический» смысл, который возникает при перемещении определенной эмоции между медицинской и спиритуальной сферами (поэтому исследователи меланхолии Фриц Заксль и Жан Старобински в его библиографию не попадают). В этом отношении история, антропология, социология под пером Плампера выглядят скорее как тот еж, который знает «одну большую вещь» — социальный конструктивизм, а вовсе не как лисы, всюду сующие свой нос.

Остановимся на понятии «диагностических» эмоций. Вторая глава монографии, посвященная антропологии, начинается с вольного пересказа статьи психологического антрополога Гананатха Обейесекера о границах использования «депрессии» как диагностической категории¹. Симптомы депрессии, описанные в американском «Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам» (DSM) первых трех

¹ В частности, Обейесекеру приписана полевая работа, посвященная депрессии, в 1980-е гг. на Шри-Ланке, тогда как в статье использованы результаты студенческих опросников 1970 г., а личный пример, который антрополог упоминает в статье, вообще относится к далекому прошлому. Непосредственно депрессией на Шри-Ланке Обейесекер не занимался, этот сюжет возник как побочный в его большом исследовании буддистского этоса. Наконец, он не мог приехать на Шри-Ланку с некритическим представлением о депрессии, почерпнутом из американского справочника DSM (как пишет Плампер), поскольку сам был не только ланкийцем, но и практикующим буддистом.

редакций, в другой культуре — на Шри-Ланке — вообще не интерпретировались как симптомы. Там определенное эмоциональное состояние означало проживание принципов буддизма и, соответственно, не было медиализировано. Тогда возникает вопрос: если перед нами культурно-специфичный синдром (причем таковым оказывается не ланкийское чувство безнадежности или чувство превратности жизни, присущее йоруба, а как раз западная «депрессия» [Obeyesekere 1985]), то что он говорит о породившей его культуре? Как общество определяет приемлемый выбор эмоции и степень ее экспрессии? Какими санкциями караются нарушения? Как устроена семиотическая интерпретация эмоции как знака определенного состояния здоровья? Культурно-специфичные синдромы, которые давно и плодотворно изучает медицинская антропология, дают богатый материал для размышлений, связывающих эмоциональный этикет, общий этос культуры и то, что историки назвали бы «эмоциональным сообществом» (Барбара Розенвейн), «эмоциональным сценарием» (Сьюзан Карант-Нанн) или даже «эмоциональным режимом» (Уильям Редди), и отклонения от них. Однако этих переключек автор не видит, поскольку смотрит на антропологию под строго определенным углом зрения¹.

Точно так же «ниже ординара» оказываются так называемые «социальные эмоции» — стыд, смущение, зависть, концептуализация которых в антропологии велась не в русле социального конструктивизма, а с опорой на психологические концепции личности, теории моральной экономики или понятие социодрамы. Так, зависть как перспективный объект изучения возникает только в самом конце книги, словно никаких работ, посвященных зависти, не существует (см. хотя бы: [Foster 1965; 1972]). Драматургический подход Гофмана обсуждается исключительно в диалоге с другими авторами, хотя его маленькая статья о смущении [Goffman 1956] — эмоции, производимой неудачным или даже провальным взаимодействием лицом-к-лицу, могла бы стать связующим звеном между поисками универсалистов и конструктивистов, более прочным, чем «эмотивы» Редди (об этом пойдет речь ниже).

Удачей второй, антропологической, главы кажется последовательное внимание к соматическому и вещественному аспектам эмоций, будь то представления о вещественности гнева, обиды или тяжелых мыслей у инуитов или болезнетворный эффект, приписываемый злости на Таити, и опыт их проживания

¹ Вероятно, именно особенностями концептуализации объясняется и отсутствие упоминаний работ Абрама Кардинера, психоаналитика и антрополога школы «Культура и личность», пионера исследований психосоматики, который описал «военный невроз» — комплекс симптомов, позже получивший название ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство).

(источники Плампера в этих случаях — этнографии Джин Бриггс и Роберта Леви)¹. К сожалению, автор не делает следующего шага, чтобы связать эмоциональную автоэтнографию Джин Бриггс или «самонаблюдаемое участие» Унни ВIKAN, а также личностный подход (*person-centred approach*) Роберта Леви к полевой работе с феноменологическим переживанием телесности и телесно воплощенных эмоций. Вместо этого он сосредоточивается на более узкой концепции Леви «социально значимых» и «социально незначимых эмоций» (С. 156–158)². Между тем открытое введение в повествование Плампера категории телесно обживаемой и проживаемой эмоции собрало бы вместе разбросанные по разным главам книги или вовсе оставленные без внимания трактовки эмоций как чего-то вещественного и подверженного манипуляциям, техники тела Мосса и габитус Бурдьё, речевой этикет (например, выражение скорби или поддразнивание), телесно интерпретированную конструкцию личности, далекую от структуры западноевропейского субъекта и т.д. Сама по себе проблема воплощенности (*embodiment*) эмоционального опыта Плампером обсуждается, но походя, в связи со статьей, отмечающей ограничения социального конструктивизма пределами телесного [Lyon 1995].

Метасюжет третьей главы — вопрос, как понимается эмоциональная жизнь в «науках о жизни», в том числе при воспроизводстве эмоций в рамках лабораторных экспериментов. Глава, посвященная универсализму и экспериментальной психологии, начинается с подробного критического обсуждения концепции базовых эмоций Пола Экмана, связанных с лицевой мускулатурой (заметим, что эта часть книги существенно выиграла бы, если бы ее дополняли схемы строения мозга и лицевых мышц). Критика в адрес Экмана оказывается для Плампера подступом к центральному случаю — конкуренции двух американских научных лагерей за интерпретацию книги Дарвина «О выражении эмоций у человека и животных» (1872). Плампер сравнивает два переиздания Дарвина — одно с предисловием Маргарет Мид, другое с глоссами и послесловием Экмана — и демонстрирует интерпретационные ходы, с помощью которых Экман превращает Дарвина в своего «союзника»³. Жаль, что при этом

¹ Соответственно: [Briggs 1970; Levy 1975].

² Такой перевод кажется не очень удачным; *hypercognized and hypocognized emotions*, возможно, было бы точнее перевести как «сверхразличимые и недоразличимые». И.В. Утехин предлагает эквивалент «фигурные» и «фоновые», что будет отражать ориентацию Роберта Леви на психологическую терминологию (личная переписка). О других особенностях перевода идет речь в заключительной части рецензии.

³ В частности, Экман эффектно объявил книгу Дарвина «забытым шедевром», что позволило ему претендовать на роль ее первооткрывателя. Плампер справедливо указывает, что «О выражении эмоций» стала бестселлером еще в XIX в. и за сто лет выдержала 73 переиздания только

мы почти ничего не узнаем о том, как интерпретировала Дарвина Мид, представительница противоположного лагеря культурных релятивистов.

В этой части книги Плампер из историографа эмоций превращается едва ли не в латурианца, показывая с опорой на исследования в рамках интеллектуальной истории, как экспериментальная психология «очищала» эмоции для лучшей сравнимости и воспроизводимости, подобно прочим лабораторным образцам. В процессе «очистки» эмоции утрачивали свою процессуальность, изменчивость и смешанный характер, коммуникативное значение, а также ситуативность и весь естественный контекст. В предельном варианте эти уже лабораторные эмоции могли сводиться к телесным реакциям на стимул или движениям лицевых мышц — их и предлагалось анализировать с помощью количественной обработки (Facial Action Scoring Technique, FAST). Этой же «очистке» служил и продуманный выбор «нулевых» чувствующих тел, аналогичных модельным объектам в других лабораторных исследованиях, — белых мужчин среднего возраста (поскольку обладатели других характеристик считались слишком возбудимыми) и собак (которые были предсказуемее кошек и смелее кроликов). В свою очередь, на этапе получения и обработки данных лабораторные эмоции дополнительно объективировались с помощью измерительных машин, которые помогали «увидеть» изменения в физиологических процессах и добавляли экспериментам убедительности. Путь к лабораторным эмоциям был долгим: Плампер ссылается на британского историка философии и религии Томаса Диксона, который возводит соматизацию и анимализацию эмоций к первой половине XVIII в., когда шотландские моральные философы свели воедино страсти, движения души и желания, отделив их от воли и провидения (С. 282). Здесь, кстати, возникает вопрос, до какой степени процесс, шедший на одном краю *république des lettres*, можно без оговорок экстраполировать на все европейское пространство.

Обсудив Дарвина как эмпирического исследователя эмоций (чье наблюдение над чувствами собственных детей внезапно напоминает программу школы «Культура и личность») и разместив поле экспериментальной психологии рубежа XIX и XX вв., Плампер обращается к Фрейду и психоанализу. В этих разделах третьей главы Плампер спорит с мнением, что Фрейд не создал никакой теории эмоций, указывая, что все психические забо-

по-английски. Добавим, что в российском научном пространстве перевод появился почти одновременно с оригинальным изданием в том же 1872 г. благодаря энтузиазму естествоиспытателя и издателя В.О. Ковалевского, которому Дарвин согласился прислать свой труд в корректуре [Дарвин 1872]; через год по-русски было издано популярное изложение книги [Дарвин 1873].

левания, которые изучал Фрейд, представляют собой эмоциональные патологии (С. 316). Такую позицию вполне можно было бы принять, если бы не два возражения. Во-первых, тогда неясно, почему связь между определенными эмоциями и психическими заболеваниями игнорировалась в главе об антропологии; во-вторых, почему в этом случае Плампер не контекстуализирует теорию Фрейда, сложившуюся в определенное время в определенном месте и рассматривающую как патологии не совсем те эмоциональные состояния, которыми занимаются современные специалисты по неврозам и психозам.

Последняя, четвертая, глава представляет собой попытку ответить на вопрос, может ли история пользоваться концепциями и объяснительными моделями естественных наук (в первую очередь когнитивистики) и если да, то каким образом? Плампер энергично предостерегает гуманитариев от механических заимствований методов естественных наук, критикуя такие новые направления, как нейроэстетика, нейрополитология и нейроэкономика, и призывает к более вдумчивому освоению когнитивистики (что, впрочем, представляется не самым реалистичным, учитывая темпы и объемы публикаций в естественных науках).

В центре этой главы находится концепция «эмоциональных режимов» Уильяма Редди, соединяющая теорию речевых актов и понятия из когнитивной психологии, например такие, как «конфликт целей». Отправной точкой для Редди служит моральная критика культурного релятивизма. То, что релятивизм не позволяет исследователю выбрать нормативную политическую позицию и высказывать оценочные суждения, по мнению Редди, является недостатком, ведь тогда не существует ни универсальной справедливости, ни возможности этического различения вариантов эмоций. Хотя симпатия, которую Плампер явно испытывает к теории Редди, и заставляет его злоупотреблять оценочными прилагательными («блестящий», «потрясающий», «самый важный») и существенно влияет на то, как преподносится критика в адрес Редди¹, он справедливо замечает,

¹ Например, возражения Кэтрин Латц в адрес Редди суммированы Плампером как призывы изучать места и способы производства эмоциональных дискурсов, а не слова (С. 411). Однако мысль Латц, в свою очередь протестовавшей против неверного прочтения Уильямом Редди ее собственной статьи 1990 г., была тоньше. В этой публикации Латц анализировала психологический дискурс, посредством которого в лаборатории и в медиа создавалась связка месячного цикла и женской эмоциональности (сходную работу по деконструкции воспроизводимых научной физиологией романтических клише проводила Эмили Мартин [Martin 1991]). Соответственно ее мысль не сводится к тому, что достойно изучения, а что нет. Призыв Латц был как научным, так и политическим. С политической точки зрения отказ от конструктивизма в гуманиоре (в пользу универсальной когнитивной психологии) означал отказ от основанной на культурном релятивизме феминистской критики, а с научной точки зрения означал игнорирование социального контекста, а именно — торжества психотерапии и медиализации «неправильных» эмоций, которые американское обще-

что сама по себе концепция «эмоциональных режимов» предполагает ранжирование их по степени гибкости, при этом мягкий режим видится более гуманным и уменьшающим человеческое страдание. Тем самым «более всего к эмоциональной свободе <...> приближается <...> демократическое рыночное общество с развитой защитой меньшинств», одним из продуктов которого и является когнитивная психология (С. 427).

Это значит, что мысль Редди не просто этноцентрична, но еще и ходит по кругу, т.е. имеет малую объяснительную силу. Добавим, что и отказ Редди от релятивизма и его интерес к «эмотивам» могут иметь дисциплинарное объяснение, которое Плампер упускает из виду. Во-первых, Редди, всегда работавший с историческим материалом, методологически и этически не испытывал потребности в отказе от нормативной позиции, в отличие от полевых антропологов Кэтрин Латц и Мишель Розальдо. Во-вторых, возможно, именно ремесло историка заставляет Редди фокусироваться не просто на словах (что приводит его к теории речевых актов), а на словах, осевших в документах (письмах, дневниках, судебных протоколах) и изъятых из непосредственной коммуникативной ситуации, при этом неязыковые эмоциональные практики вообще не попадают в поле зрения.

Способ преодолеть эти ограничения Плампер видит в концепции эмоциональных практик, предложенной тюбингенской исследовательницей Моник Шеер [Scheer 2012]. Отметим научную интуицию автора, еще в 2012 г. оценившего потенциал этой работы, за прошедшие восемь лет завоевавшей множество сторонников. В ней Шеер (а вслед за ней и Плампер) предлагает представить эмоции как практики по Бурдьё, которые осуществляются познающим и вписанным в социальный порядок телом¹. Шеер выделяет четыре типа таких практик — *мобилизация чувств*, *называние* (отсылающее к эмоциональному дискурсу, который призвала изучать Кэтрин Латц), *регулирование* и *коммуникация*. В сущности, перед нами не что иное, как соматический подход к эмоциям через габитус: эмоции интерпретируются как еще один элемент габитуса, они делаются или «примеряются», постепенно становясь привычными или отбрасываясь, как не подошедший по размеру костюм. Такой подход автоматически расширяет материал — в дело идут эго-документы, визуальные тексты, конфликты, сообщающие о провальном или успешном и «зарадном» эмоциональном перфор-

ство с помощью психологической и фармацевтической лабораторий старалось избыть в кабинете врача посредством антидепрессантов, а не уличных демонстраций [Lutz 1997].

¹ То есть телом, которое обладает или сформировано определенным *габитусом*, буквально «привычкой» или «костюмом».

мансе, языковые метафоры и вернакулярные теории, исподволь возвращая читателя (и, кажется, самого автора) к размышлениям дюркгеймианцев и находкам полевых антропологов.

* * *

В завершение рецензии принято писать о той непосредственной или отложенной пользе, которую новый сборник или монография принесут научному сообществу, несмотря на высказанные критические замечания. В нашем случае перед этой церемониальной кодой следует высказать некоторые соображения по поводу перевода книги Яна Плампера на русский язык.

Так сложилось, что в современной России в переводах научной и научно-популярной гуманитарной литературы достаточно редко принимает участие научный редактор (возможно, в естественно-научной литературе дела обстоят таким же образом). Например, русский перевод программной статьи Клиффорда Гирца «Здравый смысл как культурная система», опубликованный в журнале «Неприкосновенный запас», полон смещений и неточностей до такой степени, что автор этих строк запрещает студентам им пользоваться. Монографию Анны Лёвенхаупт Цзин на русский язык перевели специалисты по художественной литературе с небесспорной переводческой программой, что превратило политико-экономическую этнографию в весьма своеобразное поэтическое эссе [Цзин 2017]. Даже специализированные издательства, ежегодно выпускающие десятки переводных книг по гуманитарным и социальным дисциплинам, обычно ограничиваются приглашением литературного редактора, забывая о том, что этот человек не обязан разбираться с терминологией. В этом случае узкому специалисту книга попадает уже в магазине. Но если оплошности в переводах художественной литературы еще можно как-то списать на особенности интерпретации (и мало кто способен их заметить, кроме самых дотошных читателей), то в научных текстах качество перевода — не только косвенный показатель отношения издательства к своему продукту и тому сообществу, на которое оно рассчитывает, но и признак существования самого сообщества, которое этот издательский продукт покупает, читает, осмысляет, использует в исследовании и преподавании.

Русский перевод книги Яна Плампера свидетельствует о том, что российское сообщество исследователей эмоций находится еще в становлении, а эмоции пока не считаются тем предметом, которому для корректного переноса из одной научной традиции в другую нужен профильный специалист (хотя едва ли можно представить монографию о когнитивной психологии или физике, которую в течение всего издательского цикла не держал

в руках ученого соответствующего профиля). Речь не идет об опечатках, непоследовательностях или рассогласованиях (они, впрочем, тоже имеются)¹: некоторые сомнения вызывает и сам перевод. Прежде всего неясно, с какого языка он был сделан: в выходных данных указан «перевод с английского», но по косвенным признакам (буквализму конструкций, слишком далекому от английского текста выбору соответствий и большей украшенности оборотов) кажется, что исходником служил немецкий оригинал 2012 г. Поэтому вполне возможно, что часть высказываемых ниже замечаний следует адресовать непосредственно автору. Однако, помимо зоны ответственности автора и переводчика, есть еще одна инстанция. В книге обнаруживаются странности, заставляющие подозревать отсутствие научной и литературной редактуры.

Перевод «Истории эмоций» странным образом соединяет научный жаргон, кальки и «переводизмы» и разговорный язык. В тексте попадают: «дефинировать» вместо «определить»; «культурно контингентный» вместо «культурно обусловленный»; «Дарвин позволяет акцентировать воображение и фантазию» (С. 280) — видимо, все же «позволяет учесть» или «подчеркнуть»; «чрезмерная агрегация в духе Элиаса» (С. 115) — почему не «обобщение»? «шизоидный статус эмоций» — почему не «двойственный» или «противоречивый»? «Редди осуществил рецепцию экспериментальной психологии» (С. 440); «исследования <...> рецепируются историками» (С. 472); «медиальные продукты»; «фланкироваться» — и тут же «многоголосен»; «достоинство его теории мерится эмпирическими результатами» (С. 430); «растущая жажда такой категории в других науках» (С. 257); «результат процессов в его подсознании» (С. 109). Даже без сверки с английским текстом внимательного читателя озадачивают «детские эмоции», о которых якобы пишет Йохан Хейзинга, детство не изучавший (во избежание двусмысленности точнее было бы говорить о «детски непосредственных эмоциях», с. 109), и «свободные от интересов отношения» родителей к детям — видимо, «бескорыстные»? Некоторым фразам хватило бы простой правки («Иллюз начинает анализировать существующие в среде современной буржуазии образования практики знакомства и построения отношений», с. 205–206; «Все это способство-

¹ Например, в тексте чередуются варианты «Уильям Джеймс» и «Уильям Джемс», «некой» и «некоей»; пропущены явные описки («этот опыт [знание о погромах и Холокосте. — М.П.] показал Зелдину <...>, что *ratio* сильнее, чем *emotio*» (С. 85): ровно наоборот, тут *ratio* и *emotio* просто перепутаны местами) и гиперкоррекции (на с. 177 в сноске говорится о «песне вождя» как санкции за неприемлемое поведение на атолле Ифалук, что совершенно бессмысленно: ифалукское слово *song* не значит «песня», это «оправданный гнев»; в основном тексте оно трактовано верно). Отметим заодно, что упоминаемый в четвертой главе американский беллетрист и журналист носит имя Джона, а не Иона (Jonah Lerer), а передача арабских имен не соответствует принятым правилам арабско-русской транскрипции: правильно Ибрагим Абу-Лугод, а не Абу-Луход.

вало тому, что значение субъективных и языковых аспектов эмоций принижалось. Фактически чувства демистифицированы», с. 301). Что такое «цезура» вне стиховедческого контекста («Вместо того, чтобы искать возможные линии преемственности (между Средневековьем и Новым временем), они [исследователи] исходили из этой цезуры, что было очень удобно», с. 116)? Интуитивно понятно, но не проще ли было обойтись «разрывом»?

Та же вычурность сослужила дурную службу при работе с терминологией. В книге встречаются «агентскость», «агентность» и «возможность действия» (в английском тексте — *agency*); «история общества» вместо «социальной истории»; «история дискурсов» и «анализ дискурса» вместо «дискурс-анализа». Кое-где перепутаны «пол» и «гендер»: «Под влиянием лингвистического поворота в 1980–1990-е годы категория “пола” была принципиально поставлена в гендерной истории под вопрос» (С. 91); в английском тексте речь идет о категории гендера. Последовательный выбор «самости» вместо «личности» (*self*) — решение возможное, но не самое удачное.

Наконец, как злая ирония над автором, призывающим гуманистически к более аккуратному обращению с естественно-научными данными и методами, в переводе выглядят пассажи, посвященные «колоколообразной» кривой («по отношению к френологии, евгенике, физиогномике XIX — начала XX века или кривой нормального распределения и ее расистским импликациям конца XX века никто не говорит, что они представляют собой “интересную интерпретацию, одну из многих возможных”: о них прямо говорят, что они “ложны”», с. 390–391) и снабженные примечанием: «Кривая нормального распределения — график, показывающий распределение значений IQ в общей совокупности населения» (С. 391, примеч. 1). И в английском тексте, и в немецком оригинале речь идет о конкретном графике и конкретной книге (R.J. Herrnstein, Ch. Murray “The Bell Curve: Intelligence and Class Structure in American Life”, 1994), и трудно представить, как общее понятие графика стандартного нормального распределения можно пояснить более неудачным образом. Тут остается лишь надеяться, что при переиздании текст будет приведен в больший порядок.

* * *

Подводя итоги, стоит вернуться к двойственному впечатлению, которое оставляет «История эмоций». Если цель автора — зафиксировать то состояние, в котором история эмоций (или разные области знания, так или иначе имеющие дело с эмоциями) находится в 2012 г., то рецензируемая монография прекрасно

с этим справляется. Автор с тщанием и большим вниманием отследил десятки и сотни современных тематических публикаций и постарался продемонстрировать дальнейшие направления исследования. Ему удалось удержаться на зыбком мостике между конструктивистами и универсалистами и разобрать уязвимые стороны этих двух подходов так, что после этого разбора трудный междисциплинарный диалог кажется вполне возможным. Между тем для работы, которая должна была очертить интеллектуальные генеалогии тех или иных идей по поводу эмоций, «История чувств» кажется слишком поверхностной: не случайно самые яркие и удачные ее части посвящены крупным фигурам и влиятельным теориям, биографии которых хорошо разобраны в специализированных публикациях по истории идей и социологии знания. За пределами этих крупных нарративов текст Плампера становится несколько хаотичным, а имена, цитаты и сюжеты возникают как бы помимо основной нити рассуждения. Возможно, к этому приводят слишком большой размах и попытка взглянуть на эмоции через оптику полярных подходов и отдельных дисциплин, тогда как для историографии чувств, ускользающих из лабораторного эксперимента и вызывающих вопросы при включенном наблюдении, лицо и мозг, тело и общество, язык и культуру стоит учитывать одновременно.

Библиография

- Арвес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с фр. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999 (1960). 416 с.
- Барт Р. Фрагменты речи влюбленного / Пер. с фр. В. Лапицкого; ред. пер. и вступ. ст. С. Зенкина. М.: Ad Marginem, 1999 (1977). 431 с.
- Дарвин Ч.Р. О выражении ощущений у человека и животных / Пер. В.О. Ковалевского, М.А. Боковой; под ред. А.О. Ковалевского. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1872. IV+335 с.
- Дарвин Ч.Р. Язык чувств: популярное изложение сочинения Дарвина «О выражении ощущений у человека и животных». СПб.: В.П. Турба, 1873. 92+II с.
- Мосс М. Обязательное выражение чувств (австралийские погребальные словесные ритуалы) (1921) // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии / Пер. с фр., послесл. и коммент. А.Б. Гофмана. М.: Вост. лит., 1996а. С. 74–82.
- Мосс М. Техники тела (1935) // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии / Пер. с фр., послесл. и коммент. А.Б. Гофмана. М.: Вост. лит., 1996б. С. 242–264.
- Мосс М. Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти (Австралия, Новая Зеландия) (1926) // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии / Пер. с фр., послесл. и коммент. А.Б. Гофмана. М.: Вост. лит., 1996в. С. 223–241.

- Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве / Авториз. пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: НЛО, 2010. 496 с.
- Плампер Я., Шахада Ш., Эли М. (ред.). Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций: Сб. статей. М.: НЛО, 2010. 512 с.
- Хёйзинга Й. Осень средневековья: исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах / Пер. Д.В. Сильвестрова. М.: Наука, 1988 (1919). 539 с.
- Цзин А.Л. Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 376 с.
- Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. М.; СПб.: Univ. книга, 2001 (1939). Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. 332 с.; Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. 382 с.
- Barclay K. The History of Emotions: A Student Guide to Methods and Sources. L.: Red Globe Press, 2020. 186 p.
- Boddice R. The History of Emotions. Manchester: Manchester University Press, 2018. 264 p.
- Briggs J.L. Never in Anger: Portrait of an Eskimo Family. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970. 379 p.
- Dixon T. From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 287 p.
- Dumas G. Psychologie et physiologie des larmes // Journal de psychologie normale et pathologique. 1920. Т. 17. P. 45–58.
- Dumas G. Le rire // Journal de psychologie normale et pathologique. 1921. Т. 18. P. 29–50.
- Foster G.M. Peasant Society and the Image of Limited Good // American Anthropologist. 1965. Vol. 67. No. 2. P. 293–315. doi: 10.1525/aa.1965.67.2.02a00010.
- Foster G.M. The Anatomy of Envy: A Study in Symbolic Behavior [and comments and reply] // Current Anthropology. 1972. Vol. 13. No. 2. P. 165–202. doi: 10.1086/201267.
- Frevort U. Emotions in History: Lost and Found. Budapest: Central European University Press, 2011. 270 p.
- Frevort U., Scheer M., Schmidt A., Eitler P., Hitzer B., Gammel B., Verheyen N., Bailey C., Pernau M. Emotional Lexicons: Continuity and Change in the Vocabulary of Feeling 1700–2000. Oxford: Oxford University Press, 2014. 304 p.
- Goffman E. Embarrassment and Social Organization // American Journal of Sociology. 1956. Vol. 62. No. 3. P. 264–271. doi: 10.1086/222003.
- Gorer G. Some Aspects of the Psychology of the People of Great Russia // American Slavic and East European Review. 1949. Vol. 8. No. 3. P. 155–166.
- Gross D.M. The Secret History of Emotion: From Aristotle's Rhetoric to Modern Brain Science. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2006. X+194 p.
- Hertz R. La représentation collective de la mort // Année sociologique. 1907. Т. 10. P. 48–137.

- Levy R.* Tahitians: Mind and Experience in the Society Islands. Chicago: University of Chicago Press, 1975. 576 p.
- Luhmann N.* Love as Passion: The Codification of Intimacy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. 247 p.
- Lutz C.* Comment on William M. Reddy, Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions // *Current Anthropology*. 1997. Vol. 38. No. 3. P. 345–346.
- Lyon M.L.* Missing Emotion: The Limitations of Cultural Constructionism in the Study of Emotion // *Cultural Anthropology*. 1995. Vol. 10. No. 2. P. 244–263. doi: 10.1525/can.1995.10.2.02a00050.
- Martin E.* The Egg and the Sperm: How Science Has Constructed a Romance Based on Stereotypical Male-Female Roles // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 1991. Vol. 16. No. 3. P. 485–501. doi: 10.1086/494680.
- Maury L.* Les émotions de Darwin à Freud. P.: Presses Universitaires de France, 1993. 128 p.
- Mauss M.* L'expression obligatoire des sentiments (rituels oraux funéraires australiens) // *Journal de psychologie normale et pathologique*. 1921. T. 18. P. 425–434.
- Obeyesekere G.* Depression, Buddhism, and the Work of Culture in Sri Lanka // Kleinman A., Good B. (eds.). *Culture and Depression: Studies in the Anthropology and Cross-Cultural Psychiatry of Affect and Disorder*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. P. 134–152.
- Plamper J.* Geschichte und Gefühl: Grundlagen der Emotionsgeschichte. München: Siedler Verlag, 2012. 480 S.
- Plamper J.* The History of Emotions: An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2015. 352 p.
- Rose N.* The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. 368 p.
- Scheer M.* Are Emotions a Kind of Practice (and Is That What Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // *History and Theory*. 2012. Vol. 51. No. 2. P. 193–220. doi: 10.1111/j.1468-2303.2012.00621.x.
- Turner J.H., Stets J.E.* The Sociology of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. XVIII+349 p.
- Vrecko S.* Folk Neurology and the Remaking of Identity // *Molecular Interventions*. 2006. Vol. 6. No. 6. P. 300–303. doi: 10.1124/mi.6.6.2.

Мария Пироговская

**A Review of Jan Plamper, *Istoriya emotsiy*
[The History of Emotions], transl. from English by K. Levinson.
Moscow: NLO, 2018, 568 pp.**

Maria Pirogovskaya

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
mpirogovskaya@eu.spb.ru

The present review examines an attempt at a historiography of emotion studies that combines history, anthropology, and cognitive science under one cover. In *The History of Emotions*, the German historian Jan Plamper tries to pinpoint the current state of our fragmented knowledge of emotions and to lay out opportunities for fruitful contacts between social and life sciences. The four chapters of his monograph cover topics such as a historiography of the history of emotions, the constructionist approach to emotions in anthropology, the life sciences' universalist theories of emotions, and the prospects of emotion studies. To a certain degree, such an organisation of the material reproduces the outline and arguments of the *nature or nurture* debate which juxtaposed humanities and life sciences in their support of cultural or biological interpretations of emotions, respectively. The review meditates on the conceptual structure of the monograph and surveys some shortcomings stemming from the discussion of emotion studies within isolated frameworks of particular disciplines. In the conclusion, ideas and terms lost and found in their translation to Russian are discussed.

Keywords: emotions, sensibility, social constructionism, universalism, cognitive science.

References

- Ariès Ph., *L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime*. Paris: Plon, 1960, IV+503 pp.
- Barclay K., *The History of Emotions: A Student Guide to Methods and Sources*. London: Red Globe Press, 2020, 186 pp.
- Barthes R., *Fragments d'un discours amoureux*. Paris: Editions du Seuil, 1977, 280 pp.
- Boddice R., *The History of Emotions*. Manchester: Manchester University Press, 2018, 264 pp.
- Briggs J. L., *Never in Anger: Portrait of an Eskimo Family*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970, 379 pp.
- Darwin C. R., *The Expression of the Emotions in Man and Animals*. London: John Murray, 1872, VI+378 pp.

- Dixon T., *From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 287 pp.
- Dumas G., 'Psychologie et physiologie des larmes', *Journal de psychologie normale et pathologique*, 1920, t. 17, pp. 45–58.
- Dumas G., 'Le rire', *Journal de psychologie normale et pathologique*, 1921, t. 18, pp. 29–50.
- Elias N., *Über den Prozess der Zivilisation*. Basel: Haus zum Falken, 1939. Bd. 1: *Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes*, XX+327 SS.; Bd. 2: *Wandlungen der Gesellschaft: Entwurf zu einer Theorie der Zivilisation*, XVIII+490 SS.
- Foster G. M., 'Peasant Society and the Image of Limited Good', *American Anthropologist*, 1965, vol. 67, no. 2, pp. 293–315. doi: 10.1525/aa.1965.67.2.02a00010.
- Foster G. M., 'The Anatomy of Envy: A Study in Symbolic Behavior [and comments and reply]', *Current Anthropology*, 1972, vol. 13, no. 2, pp. 165–202. doi: 10.1086/201267.
- Frevort U., *Emotions in History: Lost and Found*. Budapest: Central European University Press, 2011, 270 pp.
- Frevort U., Scheer M., Schmidt A., Eitler P., Hitzer B., Gammel B., Verheyen N., Bailey C., Pernau M., *Emotional Lexicons: Continuity and Change in the Vocabulary of Feeling 1700–2000*. Oxford: Oxford University Press, 2014, 304 pp.
- Goffman E., 'Embarrassment and Social Organization', *American Journal of Sociology*, 1956, vol. 62, no. 3, pp. 264–271. doi: 10.1086/222003.
- Gorer G., 'Some Aspects of the Psychology of the People of Great Russia', *American Slavic and East European Review*, 1949, vol. 8, no. 3, pp. 155–166.
- Gross D. M., *The Secret History of Emotion: From Aristotle's Rhetoric to Modern Brain Science*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2006, X+194 pp.
- Hertz R., 'La représentation collective de la mort', *Année sociologique*, 1907, t. 10, pp. 48–137.
- Huizinga J., *Herfsttij der Middeleeuwen*. Haarlem: H. D. Tjeenk Willink & Zoon, 1919, 568 pp.
- Levy R., *Tahitians: Mind and Experience in the Society Islands*. Chicago: University of Chicago Press, 1975, 576 pp.
- Luhmann N., *Love as Passion: The Codification of Intimacy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986, 247 pp.
- Lutz C., 'Comment on William M. Reddy, Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions', *Current Anthropology*, 1997, vol. 38, no. 3, pp. 345–346.
- Lyon M. L., 'Missing Emotion: The Limitations of Cultural Constructionism in the Study of Emotion', *Cultural Anthropology*, 1995, vol. 10, no. 2, pp. 244–263. doi: 10.1525/can.1995.10.2.02a00050.
- Martin E., 'The Egg and the Sperm: How Science Has Constructed a Romance Based on Stereotypical Male-Female Roles', *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 1991, vol. 16, no. 3, pp. 485–501. doi: 10.1086/494680.

- Maury L., *Les émotions de Darwin à Freud*. Paris: Presses Universitaires de France, 1993, 128 pp.
- Mauss M., 'L'expression obligatoire des sentiments (rituels oraux funéraires australiens)', *Journal de psychologie normale et pathologique*, 1921, t. 18, pp. 425–434.
- Mauss M., 'Effets physiques chez l'individu de l'idée de mort suggérée par la collectivité (Australie, Nouvelle-Zélande)', *Journal de psychologie normale et pathologique*, 1926, t. 23, pp. 653–669.
- Mauss M., 'Les Techniques du corps', *Journal de psychologie normale et pathologique*, 1935, t. 32, no. 3–4, pp. 271–293.
- Obeyesekere G., 'Depression, Buddhism, and the Work of Culture in Sri Lanka', Kleinman A., Good B. (eds.), *Culture and Depression: Studies in the Anthropology and Cross-Cultural Psychiatry of Affect and Disorder*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985, pp. 134–152.
- Plamper J., *Geschichte und Gefühl: Grundlagen der Emotionsgeschichte*. München: Siedler Verlag, 2012, 480 SS.
- Plamper J., *The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power*. New Haven, CT: Yale University Press, 2012, 352 pp.
- Plamper J., *The History of Emotions: An Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2015, 352 pp.
- Plamper J., Schahadat S., Elie M. (eds.), *Rossiyskaya imperiya chuvstv: podkhody k kulturnoy istorii emotsiy* [The Russian Empire of Feelings: Approaches to the Cultural History of Emotions]: A collection of articles. Moscow: NLO, 2010, 512 pp. (In Russian).
- Rose N., *The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007, 368 pp.
- Scheer M., 'Are Emotions a Kind of Practice (and Is That What Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion', *History and Theory*, 2012, vol. 51, no. 2, pp. 193–220. doi: 10.1111/j.1468-2303.2012.00621.x.
- Tsing A. L., *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015, 352 pp.
- Turner J. H., Stets J. E., *The Sociology of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, XVIII+349 pp.
- Vrecko S., 'Folk Neurology and the Remaking of Identity', *Molecular Interventions*, 2006, vol. 6, no. 6, pp. 300–303. doi: 10.1124/mi.6.6.2.